

И. Н. ЮРКИН

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ФОНДЕ ТУЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Старообрядчество на тульской земле в XVIII в. — тема сравнительно новая, во всяком случае, малоизученная. Но для обоснования правомерности ее выделения достаточно уже утверждения автора статьи "Тульская губерния" в известном "Географическом словаре" А.Щекатова (1808), отмечавшего в отношении "разного толку расколов", что "почти все купечество и мещанство городов Тулы, Одоева и Белева сему уклонению от общей веры подвержено" (1). В дореволюционный период к этой теме эпизодически обращались писавшие по вопросам церковной истории края местные священники, в частности, Г.И.Панов и М.Ф.Бурцев (2), основное внимание обращавшие на информационное обеспечение миссионерской деятельности. В XX столетии, насколько нам известно, теме были посвящены только наши исследования.

Работы Панова и Бурцева, богатые фактическим материалом, базируются преимущественно на изучении документов консисторского архива. В настоящее время эти материалы находятся в Государственном архиве Тульской области, в котором образуют фонды Ф.3 "Тульская духовная консистория" и Ф.1770 "Коломенская духовная консистория". Первый из них включает, в основном, материалы XIX и XX вв. Коломенская епархия значительно древнее Тульской, но консистория в ней, как и везде, возникла в ходе реформирования органов епархиального управления, последовавшего за синодальной реформой русской церкви. Самые ранние дела в этом фонде относятся ко второй половине 20-х годов XVIII в. Доекатерининская эпоха представлена в нем приблизительно 2 тыс. дел.

Ниже изложены результаты поиска материалов по истории раскола в другом фонде Тульского госархива: Ф.55 "Тульская провинциальная канцелярия", содержащем дела за 1719—1777 гг..

Разнообразная деятельность, которой занимались провинциальные воеводы, включала решение целого ряда вопросов, связанных с фактом существования на территории провинции приверженцев старой веры. Тем не менее информационные ресурсы данного фонда в интересующем нас отношении оказались сравнительно невелики: на данном этапе нами выделены всего 25 дел, охватывающих период с 1721 по 1764 г. Нет сомнения, что какое-то количество документов в поле зрения не попало — либо потому, что дело неверно или неполно описано, либо потому, что старообрядческая тема проходит в нем как побочный мотив. Все выявленные материалы касаются Тулы и некоторых приписных городов. Белев и Одоев упоминаются в них крайне редко, что понятно: эти два города в состав Тульской провинции не входили.

Небольшое количество материалов по данной теме в фонде общим объемом свыше 12 тыс. дел вполне объяснимо: в деятельности провинциальных канцелярий проблемы, связанные со старообрядческим фактором, место занимали сравнительно скромное. Основные требования по этой части к местной администрации были сформулированы в общем документе, определявшем содержание и границы ее компетенции после 2-й областной реформы: в инструкции или наказе воеводам 1719 г. Здесь в п.4 от воеводы требовалось "подданным пользу производить, а паче чтоб прямая христианская кафолическая вера твердо была содержана". Предлагалось в случае, если "явятся такие, что тайное тщание имеют в людях о других верах какие раздоры чинить", сообщать о них "заранее" епископу или "определенным духовных дел судиям" и принимать меры, поступая с ними "по правилам святых апостол и святых отец, и по церковному уставу" (3). Для разрешения практических вопросов этой туманно сформулированной общей нормы не хватало, поэтому она конкретизировалась и расширялась в указах высшей власти: именных, а также исходящих от высших и центральных государственных учреждений.

Ранние (Петровского времени) дела в фонде состоят исключительно из подобных указов — комплексы документов (инициированные распорядительным документом высшей власти или прошением частного лица) начинаются в нем только с 1734 г. В делах имеются указы высших государственных учреждений — Сената и Синода, а также учреждений центральных: Генерального

кригс-комиссариата, Главного магистрата, Камер-коллегии, Канцелярии конфискации, Канцелярии министерского правления малороссийских дел, Коллегии экономии, Раскольнической конторы при Сенате, Сыскного приказа. Местные учреждения представлены в первую очередь Московской губернской канцелярией, а также воеводскими канцеляриями окрестных городов, преимущественно приписных. Большинство этих документов адресовано в Тульскую провинциальную канцелярию, несколько указов высших учреждений — во всенародное известие.

По хронологии отраженных событий и датировке документов дела распределены следующим образом.

Время Петра I и его ближайших преемников (до 1729 г. вкл.) представлено 6 единицами хранения. Как уже отмечалось, все они — исключительно указы высших (Сенат и Синод) и центральных учреждений (Камер-коллегия). Два из них (сенатские) — типографские экземпляры. Дел, содержащих документы местной власти, среди них нет. Единственное, из чего можно судить о реакции региональной администрации, — воеводские пометы.

Половина текстов касается положения старообрядцев в оклад и взятия с них подушной подати. Это указ Камер-коллегии Тульскому воеводе Данилову и камериру Кафтыреву об обложении старообрядцев двойным окладом (от 19 января 1721 г.), указ Сенатской конторы тульскому воеводе Шепелеву о сборе денег со старообрядцев и отправке платежных ведомостей в Москву (от 30 марта 1725 г.), указ Сената ему же о сборе подушных денег с крестьян и старообрядцев Тульской провинции (от 27 июля 1728 г.).

Прочие указы относятся к темам, каждой из которых была суждена долгая жизнь: "счислению раскольников" (указ Синода тульскому воеводе Головкину о присылке из Тульской провинциальной канцелярии ведомостей о численности в провинции старообрядцев, положенных в подушный оклад, от 16 ноября 1724 г.); поиску скрывающихся старообрядцев (указ Синода тульскому воеводе Головкину о поимке и сообщении их местожительства от 24 марта 1725 г.); ограничению их в правах и особым обязанностям, на них накладываемым (указ Сената во всеобщее известие об избрании раскольников в счетчики к приему и отдаче денежной казны от 7 июля 1725 г.; типогр. экз.).

Поскольку выявленные дела состоят исключительно из входя-

щих документов, сведений о предпринимаемых действиях местных властей они не содержат. Впрочем, о реакции последних можно судить по сопровождающим текст воеводским пометам. Как правило, они носят формальный характер: действия исчерпываются операциями с информацией — ее поиском, фиксацией, передачей. Примером может служить следующая резолюция на указе Камер-коллегии от 19 января 1721 г. (сама помета не датирована): "указ царского величества записать в книгу, и о расколшиках с прежними указы справитца, и, что учинено, выписать немедленно, а в города писать неукосневно" (4). Одна из помест раскрывает причину, по которой дел о расколе мало и активных действий для исполнения связанных с ним распоряжений они не возбуждают: воевода Михаил Шепелев в 1728 г. дает распоряжение своим канцеляристам в рапорте о получении указа "объявить, что в Тульской правинции вышеозначенных расколшиков в записке и с них збору не имеетца" (5).

Дел, инициированных в период правления Анны Иоанновны (1730—1740), Анны Леопольдовны и Ивана Антоновича (1740—1741) больше — их 9. В содержательном отношении они более разнообразны и, главное, отражают события, происходившие на территории края.

Они распадаются на несколько групп. Хронологически наиболее ранняя связана с выгонками старообрядцев из Польши и этапированием их к местам первоначального местожительства. Это дела о поимке в Польше беглых крестьян Афанасия Терешенкова, Василия Крашенникова и других (май 1734); дело по указу Канцелярии министерского правления малороссийских дел о высылке из Польши беглых тульских крестьян на прежние жилища (июнь — октябрь 1735); дело по указу Московской губернской канцелярии тульскому воеводе Тургеневу при посылке в Тулу печатных указов Сената о смотре за высланными из-за польской границы российскими раскольниками, "чтоб правоверных к расколу не склоняли", и об обращении их от раскола (май 1736); дело по указу из Генерального кригс-комиссариата в Тульскую провинциальную канцелярию о снабжении провиантом беглых и высланных из Польши людей, направляемых в Россию на прежнее местожительство (июнь 1736).

В совокупности они образуют значительную по объему под-

борку документов (около 70 листов), раскрывающую подробности того, как было организовано перемещение по территории России больших групп захваченных на Ветке старообрядцев. Их пребывание в центральных губерниях, даже временное (а часть оседала здесь надолго), сыграло важную роль в распространении здесь старообрядчества. Оно сопровождалось активной пропагандой учения, что прямо отмечают некоторые их приверженцы, именно в это время и при их помощи обратившихся к старой вере (6). Со второй половины 30-х годов XVIII в. говорить об отсутствии в Туле старообрядцев было уже совершенно невозможно.

Содержащаяся в документах информация выходит за границы местной истории. В составе дел имеется несколько списков, сохранивших имена старообрядцев, сведения об их сословной принадлежности, месте жительства, семьях. Территориальные привязки многое говорят о географии распространения старообрядчества, кое-что — о динамике этого процесса.

Заметим, что в других фондах ГАТО, содержащих синхронные материалы, содержатся документы, раскрывающие дополнительные подробности этих событий.

Из прочих дел этого периода выделим несколько, касающихся розыска старообрядцев или лиц, в принадлежности к старообрядчеству подозреваемых. Это доношение игумены Тульского Успенского монастыря Анфисы в Тульскую провинциальную канцелярию о побеге из-под стражи пяти старообрядческих черниц (июль 1737); дело о розыске старообрядцев, бежавших из Тульского Успенского монастыря (июнь—декабрь 1738), дело по указу Раскольниковской канцелярии Сената в Тульскую провинциальную канцелярию о розыске и аресте староверов в с.Протасове Алексинского уезда (сентябрь 1738). Эти документы содержат много интересных подробностей, а также имен, раскрывающих связь со старообрядческой средой ряда заметных в Туле того времени купеческих родов, в частности, семьи Антипа Постухова. Последнее (из перечисленных) дело ценно тем, что приоткрывает картину бытования старообрядчества среди сельского населения ближайших к Туле уездов.

Интересны документы августа 1735—января 1740 гг., посвященные тульским страницам истории многолетней борьбы за то, чтобы заставить старообрядцев носить в публичных местах особую

("указную") одежду ("Дело по указу Московской губернской канцелярии тульскому воеводе Тургеневу о запрещении раскольникам и людям, носившим бороды, одевать европейскую одежду") (7).

Наконец, еще одно дело (июня 1739) включается в данный обзор по, в общем, формальному признаку: в связи с тем, что возбудивший его И.Т.Евдокимов из сельца Дьяково Тульского уезда служил чиновником (подканцеляристом) в Розыскной раскольнической канцелярии. Материал, в нем содержащийся, чисто уголовный: речь идет о жестоком избииении челобитчика и его жены дворовыми людьми дворцового конюха В.С.Дьякова. Упоминаем его в связи с тем, что оно может быть учтено при уяснении неформального статуса чиновников ведомств, ведавших делами по расколу.

В эпоху Елизаветы Петровны (1741—1761) гонения на раскол продолжались. В документации Тульской провинциальной канцелярии они отражены в таком же количестве дел, как и эпоха Анны Иоанновны. Тематика их принципиально от предшествующей эпохи не отличается.

Один из основных вопросов, которые в это время по отношению к старообрядцам решала местная власть, являлся учет их численности. Его отражают сохранившиеся в данном фонде указ из Камер-коллегии в Тульскую провинциальную канцелярию о присылке ведомостей о состоящих на учете в Тульской провинции беглых старообрядцах, высланных с территории Польши (от 24 августа 1743), типографский экземпляр сенатского указа о переписи староверов, проживающих в Российской империи (от 3 сентября 1744), дело по указу из Конторы раскольнических дел Сената в Тульскую провинциальную канцелярию о присылке в контору месячных рапортов о количестве старообрядцев и о взыскании с них денег (декабрь 1749).

Статистика старообрядчества представляла в значительной степени фискальный интерес, поэтому в последнем из названных дел эта тема объединена с вопросом сбора двойного подушного оклада. Подобные дела составляют еще одну группу, характерную для данного фонда. Это указ из Тульской провинциальной канцелярии в Дедиловскую воеводскую канцелярию о взимании доимочных денег со старообрядцев и отдаче их в рекруты (от 18 сентября 1742), указ из Конторы раскольнических дел Сената в

Тульскую провинциальную канцелярию о невзыскании штрафа со старообрядца Тита Осетрова (от 17 декабря 1746), типографский экземпляр указа из Канцелярии конфискации о продаже с публичного торга в г.Орле конфискованного раскольнической комиссией этого города имущества купца Сидора Лазорева (от 18 января 1753).

Третье направление деятельности провинциальной канцелярии, связанное со старообрядчеством, — поиск самих старообрядцев, их руководителей и наставников. Сюда относятся дело по сенатскому указу, объявленному во всенародное известие (типогр. экз.), о розыске в Тульской провинции наставников и предводителей старообрядчества (январь—февраль 1746) и дело по указу Сысского приказа о розыске беглых писаря Семена Кружевникова, посадского человека г.Скопина “потаенного раскольника” Григория Сафонова и караульного солдата 2-го Белгородского батальона Василия Кудрина (апрель 1752).

Последнее из выявленных дел елизаветинской эпохи касается пресловутой “раскольнической” бороды и навязывавшейся старообрядцам особой одежды. Это документы об освидетельствовании тульских купцов в связи с доносом на них тульских же купцов Ивана и Василия Клевцовых в ношении ими бород и “русского” платья (ноябрь—декабрь 1751). Оно богато яркими деталями, косвенно характеризующими связь со старообрядчеством тульского купечества и управлявшего им городского магистрата.

Для следующей эпохи — времени правления Петра III и, частично, Екатерины II (до 1777 г. включительно) — нами выявлено всего одно дело о расколе (причем относящееся к началу этого периода), что уже само по себе свидетельствует об изменении политики в отношении старообрядцев. Этот единственный документ — бланк Краткой ведомости, учиненной на основании манифеста о раскольниках, состоявшегося 3 марта 1764 г. (типогр. экз.). Запрашивались сведения, сколько в конкретных губерниях, провинциях, городе “по минувшей переписи оных состояло, и ныне по поданным в положенной четырехмесячной срок оказалось, и по 5-му пункту того ж манифеста от расколу обратилось”. Перед нами попытка уточнить численность старообрядцев — задача, решение которой вместе с отменой в 1782 г. двойного их оклада и поименного учета, сопровождавшего этот сбор, была на несколь-

ко десятилетий снята с повестки дня.

Материалы фонда обрываются на середине правления Екатерины II в связи с тем, что в 1777 г. при образовании Тульской губернии в ней были сформированы новые губернские учреждения, а провинциальная канцелярия — уничтожена. Впрочем, ко времени ликвидации последней старообрядцев в своей деятельности она касалась в степени, заметно меньшей, чем при Анне и Елизавете.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Щекатов А. Словарь географический Российского государства. М.: Тип. Ф. Любля, 1808. Ч. 6. Т. 10. С. 415.

2. См., например, обширный цикл Г. И. Панова "Материалы для истории сектантства в Тульской губернии", на протяжении 1882—1885 гг. с перерывами публиковавшийся на страницах "Тульских епархиальных ведомостей", а также работу М. Ф. Бурцева "О единоверии и единоверческой церкви в г. Белеве", опубликованную там же в № 11—15. 1902. С. 258—367.

3. ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 5, № 3294.

4. ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 197. Л. 2.

5. Там же. Д. 1739. Л. 106.

6. Там же. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 722. Л. 5—5об.

7. Материалы его использованы в нашей статье "Старообрядец и его костюм в русском городе второй четверти XVIII века" (Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII—начале XX века. Воронеж, 1999. С. 115—138).